

Юлия Рябинина

Ребёнок олигарха. Я не отдам тебе дочь.

<https://litres.ru/74213163>

Аннотация

– Даже не думай, сбежать не получится, – навис надо мной олигарх. – Я тебя не боюсь. – Тогдапусти меня. Он заглянул мне за плечо, и именно в этот момент за моей спиной скрипнула дверь. Нет! Нет! Нет! Только не сейчас. Только не она. – Мама?! – голос дочери зазвенел в воздухе. Глаза олигарха наполнились тьмой, а на их дне, скрываясь в темноте, затаился ад. – Уходи, – процедила сквозь зубы. – Нет, сладкая, я пришел за тем, что принадлежит мне по праву. Собирай вещи. Вы едете со мной. ХЭ В КОММЕНТАРИЯХ СПОЙЛЕРЫ :-)

♥#Вышла новинка: Измена.Вторая жена Ищим у автора в профиле.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 5	56
Глава 6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Глава 1

— Светлана Петровна, — после тихого стука в дверь кабинета заглядывает Вероника.

Я поднимаю на неё глаза, вскользь замечая, что она одета в форму.

— Что-то случилось? — тру веки.

Последние два дня выдались напряжёнными. Месячные отчеты на носу, хотелось бы сделать всё вовремя, чтобы новогодние каникулы прошли без сюрпризов.

— Нет. Я просто напомнить, что через пятнадцать минут салон закрывается. Клиентов больше не ожидается. Мне бы сегодня пораньше домой попасть, — виновато опускает глаза женщина, мнущаяся у порога.

— Да, Вероника, конечно. Сегодня уйдём пораньше, — улыбаюсь и снова зарываюсь в бумаги.

Слышу, как дверь тихо закрывается. Замираю.

Чёрт возьми! Я интенсивно тру щёки ладонями. Мне вдруг становится обидно, что из-за меня Вероника остаётся на работе дольше. Я не могу так поступать с сотрудниками. Не привыкла. Эксплуатация работников — не мой конек.

Упрямо оттолкнувшись от края столешницы, встаю, потягиваясь, разминая затёкшие мышцы.

Обвожу взглядом рабочий беспорядок на столе, закрываю глаза, втягиваю воздух носом, мысленно обещая себе, что

всё доделаю завтра, а на сегодня хватит.

Подойдя к вешалке, расположенной в углу кабинета, скидывая туфли, надеваю высокие сапоги.

Так, я что-то забыла.

И только я об этом подумала, как на столе дико завибрировал телефон.

Чёрт побери! Я совсем забыла про встречу!

Быстро пересекаю кабинет, смотрю на экран: *papa?*

Принимаю вызов:

— Да, я слушаю, пап.

— Дочка, Светочка. Я не знаю, что делать, — голос отца, сильно взволнованный, сбивается.

Сердце ускоряет бег. Тревога подкатывает к горлу, отчего слова, которые я говорила, неприятно царапают нёбо:

— Что она снова натворила?

— Света... ты только не ругайся... — начинает отец.

— Что? — сухо спрашиваю, на ходу продевая руки в рукава шубы, прижимаю плечом телефон, умудряясь ещё не упустить из пальцев сумку.

— Она убежала, — обречённо произносит старик.

— Вот гадство! — в сердцах ругаюсь. — Пап, ну как так? Мы же договаривались!

— Светик, ну что я мог поделать? Она так просила меня съездить и купить тебе к Новому году подарок, — голос отца срывается.

— Не волнуйся, я сейчас приеду, — кидаю в трубку и,

прежде чем отключиться, слышу, как он кричит в динамик: “Мы в торговом центре!”.

“Ну конечно там, где же ещё вам быть”, — думаю про себя. И только хочу набрать номер такси, когда телефон снова вибрирует: Марат.

Ну конечно, именно про ужин с ним я и думать забыла. Вылетело из головы.

— Да, Марат. Извини, но...

— Я тебя вижу, красавица. Выходи, — с акцентом произносит мужчина.

Вспоминается, как меня это раздражало поначалу. Казалось, что таким образом мужчина стирает между нами границу и переходит на личности, чего я не могу позволить. Марат мой работодатель, хоть и пускающий по мне слюни. Но в то же время он прекрасно понимает и принимает, что огромная разница между нами не оставляет ему никаких шансов.

— Вероника. Я ушла. До завтра, — прощаюсь с женщиной и через стеклянные двери салона красоты вижу припаркованный напротив дверей автомобиль босса.

Толкаю дверь, и меня тут же обдаёт тучей снежной пыли, залепляя колючими снежинками глаза и нос. Они врезаются в лицо и мгновенно тают.

Я лишь на секунду замираю на пороге, чтобы перевести дыхание, и, стиснув мех на груди в кулак, упрямо шагаю к цели.

— Что случилось, Света, на тебе лица нет?! — повернувшись ко мне, с волнением в голосе интересуется мужчина.

Я только и успеваю, что забраться в салон.

— Мила потерялась, — буркаю. — Извините, Марат Вениаминович, но буду вам очень признательна, если подбросите до торгового центра. Боюсь, что поужинать сегодня не удастся.

Я не успеваю произнести последние слова, как мужчина срывает машину с места, оставляя после себя снежный вихрь.

— Да о каком ужине ты говоришь, Света? Как давно она потерялась?

— Ничего не знаю, папа только позвонил, — я, суеюсь, лезу в карман за телефоном, нужно набрать старику, сообщить, что я уже в пути.

— Пап, через пятнадцать минут будем. Ты охранникам сообщил?

— Конечно, дочка. Я тут всех на уши поставил, — отчитывается отец.

— Не волнуйся, пап. Я уже скоро, — пообещав старику, отключаюсь.

Сердце в груди срывается с места и ускоряет темп, доводя меня до аритмии.

Чёртова болячка во время стрессов постоянно обостряется, не давая забыть о себе. До сих пор не понимаю, как можно рожать кучу детей и оставаться здоровой?! У меня были

единственные роды, и после них такой косяк со здоровьем вылез.

— Света. — Мужчина трогает меня за руку. Я, не ожидая его прикосновения, дёргаюсь. — Извини.

Он тут же убирает руку.

Я кидаю на него косой взгляд. Поджимаю губы.

— Всё в порядке, Марат Вениаминович, — буркаю сухо.
— Милана уже не первый раз такое вытворяет, но, как вы понимаете, к подобному привыкнуть невозможно.

Весь оставшийся путь мы с боссом едем молча. Он, вцепившись в руль обеими руками, внимательно следит за дорогой.

Я же, чтобы хоть немного успокоиться, захожу в приложение, по которому отслеживаю перемещения дочери. Я его установила сразу после первого случая, когда Милане в голову пришла неожиданная идея пойти погулять по городу одной. Она тогда ушла из садика. Это был шок для всех. Воспитателей чуть не попёрли с рабочих мест, и это было бы правильно: они не досмотрели за ребёнком. Но я тогда только-только начала обживатьсь у папы в доме. Городок маленький, и мне не хотелось, чтобы потом на меня косо смотрели. Побоялась. Я и так долгое время была у всех на языках, когда переехала из столицы к отцу. А уж когда через полгода у меня появился живот, а вот жениха не было... Люди долго по углам судачили, строили предположения о том, где же папаша моего ребёнка, но правды никто из них никогда не

узнает, как и отец.

Я так и не отважилась поговорить со стариком на эту тему. Да и не повернулся бы у меня язык рассказать о том, что забеременела я от мужа мамы Лизы. Поэтому я этот секрет так и храню в своей памяти за семью замками.

Приложение издаёт характерный звук, и я вся обращаюсь в него.

Чёрт возьми!

В сердцах стискиваю телефон пальцами, ударяю кулаком по сумке. Милана не надела часы. Или же они сели. Как же так?! Я закрываю глаза и бьюсь затылком о подголовник.

Виновата! Сама виновата во всём! Уже несколько дней задерживаюсь на работе, совсем дочке не уделяю внимания!

Из мыслей меня выводит голос Марата. Я открываю глаза. Скашиваю взгляд на босса.

— Да, — пауза. — Там ребёнок в твоём центре потерялся. Знаешь? Ищите? Ладно, всё. Я уже подъезжаю. — Босс даже после того, как кладёт трубку, не удосуживается объяснить мне, что это сейчас было.

Я же ничего спрашиваю. Только всё больше нервничаю. Ведь до недавнего момента я была уверена, что Милу мы найдём очень быстро, благодаря тому, что на её руке есть часы. Теперь же от уверенности почти ничего не осталось.

Спустя пять минут я уже стою посреди огромного холла торгового центра. Взад-вперед снуют люди. Много людей. Несмотря на то, что время близится к закрытию, народу в

торговом центре достаточно.

Я растерянно оглядываюсь по сторонам. С чего начать? Куда бежать? Может, в первую очередь нужно найти охранников? Спросить? Разделиться?

Паника накрывает с головой. Пульс зашкаливает за отметку допустимой нормы, и мне кажется, что вся я — это один оголённый нерв, который находится на грани срыва. И как бы парадоксально это ни звучало, но из состояния “я более-менее держу себя в руках” довожу себя до истеричного “Боже! что же делать?! где моя дочь?!” за считанные секунды.

— Света! — услышав знакомый мужской голос, оборачиваюсь. — Света!

Отец, опираясь на трость, спешит мне навстречу.

Я же кидаюсь к нему бегом, не обращая внимания на удивлённые взгляды прохожих.

— Папа! Ну зачем, зачем ты её привёл сюда?! — с упреком набрасываюсь на отца.

— Прости, дочка. Но она так просила, я не смог ей отказать, — виновато опускает глаза отец.

— Светлана, — за спиной раздаётся голос босса, и я, отвлекаясь от отца, обращаю всё своё внимание на мужчину.

— Да?! — смотрю на него в непонимании.

Почему он ещё здесь? Я же ему сказала, что сегодня не получится с ним поужинать.

— Сейчас спустится начальник охраны, у вас же есть с

собой фото дочери?

— Да, конечно. — Выхватив телефон, начинаю искать фото Миланы. — Марат Вениаминович, вы извините, что отвлекаю. Если вы торопитесь, то можете идти. Мы с папой разберёмся.

Мужчина странно смотрит на меня, и только тут я сообщаю, что несу несусветную чушь. Босс хочет мне помочь, а я не поняла этого сразу.

Найдя, наконец, подходящее фото, открываю его на весь экран. И в этот момент вижу спешащего к нам мужчину, одетого в чёрный костюм.

— Здравствуйте! — произносит он впопыхах, оглядывая нашу компанию. — Ребёнка ищут. Не волнуйтесь.

Но почему-то именно после этих слов становится совсем не спокойно. Где она может быть? Разве мог ребенок, гуляющий без присмотра взрослых, затеряться в торговом центре? Разве он не вызвал подозрения хотя бы у одного из взрослых? Разве никто не подошёл и не спросил у девочки восьми лет, почему она гуляет одна? И где её родители?

Все эти вопросы клубятся в голове, и я уже открываю было рот, чтобы задать их, когда внезапно слышу:

— Маа-а-ма! — разносится эхом по огромному помещению голос Миланы.

Я поднимаю глаза туда, откуда идёт звук, и вижу, как моя дочка спускается на эскалаторе с каким-то мужчиной. Он крепко держит её за руку. Не отпускает.

Моё сердце мгновенно подскакивает вверх и тут же ухает вниз, забившись с бешеной скоростью в животе. Глаза тут же наполняются влагой. Я кидаюсь навстречу дочери.

— Ма-ма! — кричит она, помахав мне рукой.

Мои ноги подкашиваются ровно в тот момент, когда дочка ступает на плиточный пол и мужчина отпускает её руку. Она кидается ко мне.

Я же, упав на колени, раскрываю объятия. То, что по щекам текут слезы, я чувствую только тогда, когда крепко-крепко обнимаю Милану.

— Мама! Ты плачешь? — дочка пытается высвободиться. — Не плачь, мам! Я только хотела у ангела — того, что вон там, на ёлке — попросить, чтобы он мне папу подарил.

После нескольких минут диких эмоций у меня начинается нервный тик, а в горле копится ком. Я отнимаю от себя Милану, заглядываю в детское личико: невинные блестящие тёмно-карие, почти чёрные глаза смотрят на меня с таким счастьем и восхищением, что кроме как снова прижать её к себе, зарывшись носом в шею, ничего больше позволить себе не могу. Ругать дочку просто не хватает сил.

— Светочка, — слышу над головой голос родителя.

Отец трогает меня за плечо. Сжимает его.

— Да-да, сейчас, — кивнув, отвечаю сдавленным голосом: не хочу, чтобы босс видел меня в таком состоянии.

Мне нужно ещё пару минут, чтобы немного успокоиться и прийти в себя.

— Светлан, — неожиданно гремит голос Марата Вениаминовича, когда я, шмыгнув носом, поднимаюсь с колен.

— Да?! — резко поворачиваю к нему голову, вскользь зацепившись взглядом за мужчину, который привел Милану. Он так и остался стоять рядом с нами, с интересом наблюдая за развернувшейся перед ним картиной.

Отмечаю мельком, что мужчина высокий, темноволосый, с аккуратно выбритой порослью на лице, которая ему безусловно идёт. Одет хоть и неброско, но в дорогие вещи.

Когда наши взгляды пересекаются, мне на секунду кажется, что в его янтарных глазах я вижу надменность и пренебрежение к моей персоне. Вздернув подбородок, обращаю всё внимание на босса, сжимая в ладони маленькую ручку Миланы.

— Раз наша красавица нашлась, и всё благополучно разрешилось, предлагаю это отметить. Что скажешь, принцесса? — по-доброму улыбаясь, обращается босс. К Милане! Не ко мне, а к дочери.

Вот же ж проходимец. Поджимаю губы.

— Марат Вениаминович, — окидываю мужчину строгим взглядом. — Мила наказана с этой минуты.

— Но мама! — округляет глаза дочка, и я чувствую на себе пристальные взгляды.

Её взгляд и взгляд того человека, что продолжает неотрывно прожигать меня своими глазами.

— Милана, поговорим дома, — обрываю дочь.

— Света, ты слишком строга к девочке, — журит меня босс.

И я вспыхиваю как спичка. Моё лицо горит, а руки дрожат, и я чувствую, что мне не хватает воздуха. Это переходит все рамки дозволенного.

— Спасибо, Марат Вениаминович, что подвезли, но позвольте мне самой разобраться с моим ребёнком, — еле сдерживая эмоции, отвечаю боссу и, дёрнув Милану за руку, уже хочу сделать шаг в сторону выхода, когда слышу:

— Всегда пожалуйста. Если в следующий раз возникнут трудности, обращайтесь, — произносит мужчина мягким баритоном с нотками сарказма.

Меня аж трясёт. Да что им вообще от меня нужно? Разве ни у одного из них нет своих дел, кроме как доводить женщину, которая только что пережила бешеный стресс?!

Медленно поворачиваюсь к мужчине. И наши взгляды тут же перехлёстываются: мой — недовольный, едкий — и его... у меня мурашки бегут по позвоночнику, когда осознаю, что его взгляд совершенно не соответствует голосу: жестокий, холодный, такой, от которого у меня в другой ситуации язык к нёбу прирос бы, но только не сегодня.

— Простите, — цежу, плотно сжимая челюсть, — мою оплошность. Я была немного растеряна...

— О, это заметно, — перебивает меня мужчина.

— Простите?! — вскидываю бровь.

— Извините, что перебил, продолжайте, — не обращая

внимания на мой вопрос, подбадривает меня мужчина, как будто я нуждаюсь в его поддержке.

Я начинаю закипать. Из глубины солнечного сплетения, бурля эмоциями, импульсивными толчками поднимается негодование.

Часто отрывисто дышу.

— Амир, исчезни с глаз моих, — грубо обрывает мужчину босс. Я, не ожидавшая подобного, проглатываю все те слова, что вертятся на языке, и кошусь на Марата Вениаминовича.

— Почему? Разве эта женщина не в состоянии произнести обычное спасибо за то, что я привёл её ребёнка? Или она что, некоронованная королева, и у неё язык отвалится?

— Мы уходим. Пап, возьми Милану, я сейчас вас догоню, — говорю отцу твердо, не давая возможности возразить мне.

— Мам, но я хочу с тобой, — тут же встречается Мила.

— Светлан, давай я вас отвезу домой, — неожиданно Марат Вениаминович встаёт между мной и этим нахалом.

У меня челюсть сводит от невысказанных ругательств в его сторону.

— Не нужно, я сама, — резко отвечаю боссу и, круто развернувшись на пятках, подхватываю за шиворот Милу, тащу её на выход.

— Еще одна такая выходка!.. — шиплю на дочку.

— Мама, мне больно, отпусти! — хватается за моё запястье Милана и начинает вырываться.

— Прекрати, слышишь?! — встряхиваю её. — Ты меня

седой сделаешь.

Дочка сощуривает глаза, злобно глядит в мою сторону.

— Вот поэтому у меня нет папы. Он тебя бросил, потому что ты злая! — вскрикивает Мила, а я только сильнее сжимаю в кулаке ворот её пуховика.

Совсем распоясалась. У меня всё клоочет внутри. Я злюсь.

— Света, — отец пытается хоть как-то отвлечь на себя мое внимание, но в этот раз у него ничего не получается.

— Ты наказана, — ледяным тоном выношу приговор Милане.

Дочь на миг замирает, я редко произношу это слово, только в крайних случаях. Сегодня именно такой.

— Мам, ну мам, — тут же голос дочери меняется. — Мам, ну прости, я больше не буду.

— Милан, ты сама вынудила меня сказать это. Опозорила меня перед чужими людьми. Что они теперь подумают о нас? Обо мне? — я выразительно смотрю дочери в глаза.

Милана молча упирает глаза в пол, а мы тем временем уже подходим к дверям.

— Я не хотела, прости, — буркает под нос.

— В твоём возрасте, Мила, это уже, увы, не детские шалости. Чего ты добиваешься? Чтобы тебя у меня забрали? Ты хочешь в детский дом? Думаешь, что там тебе будет лучше? Чужие тёти тебя там будут любить, гладить по головке?

Мой голос, срываясь, дрожит. Эмоциональный фон на

границы срыва. Защитная оболочка дребезжит и готова вот-вот рассыпаться вдребезги. Стоит только чуть надавить...

— Мам, я правда-правда больше не буду! — Мила изворачивается в моих руках и, обхватив меня за талию, зарывается лицом в мех, громко всхлипывает.

— Мила, — мой голос дрожит, и я уже не могу совладать с чувствами, тоже плачу.

Обнимаю дочку за плечи и, уткнувшись носом в её макушку, целую.

— Эй, девчата, вы чего? — позади меня кряхтит отец, обходя нас по радиусу. — Чего это вы тут устроили целый водопад? Поехали домой, там и поплачете, — обнимает нас и подталкивает к выходу.

Милана, не выпуская меня из объятий, так и идёт рядом, то и дело сбиваясь с шага, чем только тормозит нашу процессию.

Пока добираемся до автомобиля отца, припаркованного в нескольких сотнях метров от входа, успеваем продрогнуть до костей.

— Дед, — стуча зубами, бросает Милана с заднего сиденья, — а я маме подарок так и не купила.

Салон машины взрывает наше с отцом дружное:

— Нет!

Глава 2

— Кто это? — кивнув на удаляющуюся недомамашу, спрашиваю у отца.

— Не твоё собачье дело! — зло бросает старик.

Я удивленно вскидываю бровь. Даже так?

— Хм, только не говори, что это одна из твоих содержанок, — иронично хмыкаю, чем заслуживаю гневный взгляд родителя. — Она же лет на тридцать младше тебя. Нет?

— Послушай, Амир, — родитель окидывает меня холодным взглядом. — Светлана мой работник. Ценный работник, — отец выделяет последние два слова интонацией, и я понимаю, что моя догадка оказалась верной. Сжимаю зубы.

“Старый развратник”, — мелькает в голове. Но я тут же отгоняю эту мысль. Зачем мне думать об этом? С матерью они давно разошлись, к слову, она оказалась умной женщиной, не стала терпеть рядом с собой этого бабника. А что до его личных пристрастий — мне плевать. С кем он спит и кто греет его постель...

“Фу, мерзость”, — меня передёргивает, стоит представить, как эта барышня позволяет отцу тискать себя. Хотя родитель и выглядит для своих лет вполне себе прилично, но, чёрт возьми, ему почти шестьдесят — он ей в деды годится.

Теперь понятно, отчего её дочка такая мечтательница.

Хм.

“Хочу папу”, — вспоминаю, как она горячо шептала, стоя у прозрачных ограждений с закрытыми глазами. Я на неё сразу обратил внимание. Наблюдал за девочкой в течение пяти минут и, когда понял, что взрослых рядом с ней нет, озадачился.

И вот тебе — получил по башке за инициативность. Чёртова дура настолько зажралась, что даже элементарной благодарности не выказала.

— Я это уже понял, отец. Мне фиолетово, кто она для тебя. Девчонку жаль, какой пример такая мамаша может ей дать?

— Не смей так говорить про Свету. Ты её совершенно не знаешь! — возмущается отец.

Я делаю несколько шагов назад, увеличивая между нами расстояние.

— Поверь, даже охоты нет таких не то что знать, но даже в окружении своём наблюдать, — кривлю губы в ухмылке.

— Иди, а? Не доводи до греха, Амир, — рыкает отец, оглядываясь вокруг себя.

— Где Эльдар? Куда делся?

— Работать ушёл. Что ему уши греть, его миссия закончилась, — пожимаю плечами и, круто развернувшись, направляюсь к эскалатору.

— Вот паршивец, — цедит отец, чем вызывает у меня улыбку.

Каким был старик вспыльчивым, таким и остался. Со вре-

мён моего детства ничего не изменилось. Троллить его по-прежнему одно удовольствие.

Я поднимаюсь на третий этаж. Взгляд невольно падает на то место, где возле ограждений стояла девочка. Её сложенные вместе ладошки, прижатые к шевелящимся губам, и закрытые глаза вызвали во мне смешанные чувства. В груди что-то зашевелилось, и сердце ёкнуло.

А когда ещё узнал о том, что девочка сбежала от бабушки, чтобы попросить у ангела на Новый год папу, пришёл в недоумение. Что за бред?

— Амир Маратович, — окликает меня женский голос, отвлекая от мыслей. — Пойдите!

Сжав губы, кошусь на девушку, спешащую догнать меня.

Высокая брюнетка, одетая в обтягивающие худые ноги джинсы и свитер оверсайз, увидев, что я остановился, ускоряет шаг, отчего длинный хвост на её голове раскачивается из стороны в сторону в такт движениям.

— У вас что-то случилось? — приподняв бровь, интересуюсь, когда она останавливается на расстоянии вытянутой руки.

— Конечно, — кивает. — Мы всем крылом переживаем, нашла ли девочка маму? — её глаза блестят любопытством.

Уголок моего рта дёргается в подобии ухмылки:

— Элина, вы зря волновались. Всё закончилось благополучно. Мама девочки отыскалась, — сухо сообщая новость и делая шаг в сторону кабинета, как вдруг в мою руку вцеп-

ляются тонкие наманикюренные пальчики.

Кидаю удивлённый взгляд на хозяйку одного из бутиков, арендующих площадь в нашем торговом центре.

— Что-то ещё? — выразительно смотрю на её руку, потом перевожу взгляд на саму девушку. Такое в мою сторону не каждая может себе позволить. Смелая. Сжимаю челюсть. Не люблю прикосновений. Чужих прикосновений. И стоит об этом подумать, как кожа под её пальцами начинает зудеть. Инстинктивно дёргаю рукой.

— Ой, простите, Амир Маратович, — щёки девушки покрываются румянцем, она разжимает пальцы и с запястья перемещает их на локоть. — Можно проводить вас до кабинета?

Вот это новость!

Впиваюсь взглядом в лицо барышни. Жилка на её виске сумасшедше пульсирует, выдавая волнение хозяйки. Представляю, сколько она готовилась к этому шагу. Ещё бы, ведь я для всех обитателей торгового центра долгие годы был мифическим существом, обитающим где-то в другом измерении. Отец, видимо, тут наплел им таких сказок, что, выйдя в первый день на работу, я чувствовал себя инопланетянином, не меньше.

Мне вдруг становится интересно: как далеко девушка сможет зайти. Насколько ей хватит смелости?

— Проводите, — скупно отвечаю ей и тут же давлюсь смехом, замечая, как быстро, буквально в одно мгновение, ме-

няется цвет лица Элины, превращаясь под слоем макияжа в серый.

— Да?! — вырывается сипло из её рта.

— Ну, видимо, у вас есть что мне рассказать? Нет? — под-
сказываю ей наводящим вопросом.

— Ой, да, конечно, — тут же хватается за мои слова де-
вушка и, просунув руку под локоть, пристраивается рядом.

— Так кем оказалась мать этой девочки? — заглядывая
мне в глаза, интересуется Элина.

— Без понятия, — пожимаю плечами. Вспоминать о со-
держанке отца совсем не хочется.

— Ну явно недалекая какая-то, раз за ребёнком не смог-
ла усмотреть, — тут же делает вывод Элина и сразу же про-
должает: — Вот именно из-за таких, как эта мамашка, детки
чаще всего и страдают.

Я в какой-то степени мог бы и согласиться с девушкой,
но внутренний голос отчего-то протестует. Мне совершенно
непонятно, как, не видя человека, Элина уже делает о нём
вывод. Это мог бы сказать я, потому что непосредственно об-
щался со “Светланой”. В мыслях её имя произношу так лег-
ко, как нечто само собой разумеющееся. И это мне не нра-
вится. Вообще не нравится, что мои мысли занимают подоб-
ные экземпляры женского пола.

— Я думаю, Элина, это уж точно не наше с вами дело, —
страхиваю руку девушки со своего локтя. — Спасибо, что
составили компанию. Если у вас всё...

— Амир, а что вы делаете сегодня вечером? — на выдохе задаёт вопрос девушка, облизывая кончиком языка вмиг пересохшие пухлые губы, и упирается взглядом мне в переносицу.

Я на мгновение задумываюсь, оценивающе осматриваю её фигуру...

— У вас есть предложения? — понизив тон до шёпота, задаю встречный вопрос.

Кровать скрипит под моим весом, когда я, перекатившись на бок, поднимаюсь.

Чёрт возьми. Голова гудит так, что кажется: ещё немного, и разорвёт черепушку.

Тру ладонями лоб, разгоняя кровь под кожей, и когда давление немного ослабевает, цепляю пальцами боксеры с кресла натягиваю их.

За спиной слышится шуршание. Кидаю короткий взгляд на девушку, которая, закутавшись в простыни и раскинув длинные ноги, занимает всё свободное пространство на кровати. Морщусь.

Зря позволил ей остаться на ночь. Нужно было вызвать такси и отправить домой. Не переносу утренние посиделки с барышнями, которых предпочитаю только иметь.

Элина, будто почуяв мой взгляд, ёжится, подтягивает оголённые ноги к себе и укрывается, при этом продолжая монотонно сопеть. Притворяется?! Я ещё немного наблюдаю за девушкой в надежде на то, что та всё же каким-то обра-

зом выдаст себя. И вдруг, в каком-то моменте, ловлю себя на мысли, что думаю сейчас вовсе не девушке, лежащей в моей постели, а той, что, возможно, лежит в постели отца.

Мамашика-потеряшка.

Дал ей подходящее прозвище ещё вчера вечером. Эта за-
раза не покидала мои мысли ни на секунду.

Сжав челюсть, я стремительно выхожу из спальни, давая возможность Эле ещё немного поспать. А я за это время как раз успею привести свои мысли в порядок.

Вместо душа заворачиваю на кухню, включаю кофемашину и, задумавшись, подхожу к окну. Упираюсь лбом в стекло. Головная боль отпускает, и я, облегченно вздохнув, тянусь за айкосом.

Надо бросать эту дрянь, чуть позже обязательно брошу.

Перед глазами в дикой карусели кружатся пушистые снежинки. Я, сосредоточившись на них, пытаюсь выкинуть из головы все посторонние мысли. Но куда там?!

В это мгновение кофемашина, завершив работу, издаёт характерный звук, и у меня в голове происходит какой-то сбой. Глухой щелчок, и перед глазами появляется вчерашняя краля. Взъерошенная. Дерзкая. И — чего уж греха таить — довольно симпатичная, правда, не в моём вкусе. Я люблю девушек повыше и постройнее...

Чёрт побери. О чём я думаю? Точнее, о ком? Да и вообще, с какого ... она в моём мозгу запечатлелась?

Я круто разворачиваюсь, подойдя к аппарату, забираю

американо и, сделав большой обжигающий глоток, зажмури-
ваюсь.

В башке вдруг проясняется, и я понимаю, что эта стерва мучила меня всю ночь во сне. У меня, видимо, из-за недо-
сыпа черепушка и раскалывается. Зараза въелась в мозг как
отрава.

— Привет. — Я чуть не роняю из рук чашку, Эля неслыш-
но подкрадывается ко мне со спины, обнимает за талию,
льнёт голой грудью к моим лопаткам.

Я дёргаюсь, чтобы повернуться к ней лицом, чтобы отчи-
тать её за тупость, но девушка, словно почуяв моё настро-
ение, миг оказывается передо мной сама. Мой взгляд бес-
стыдно пробегается по её нагому телу, и я чувствую, как
вздрагивает кадык, а спустя мгновение и то, куда в считанные
секунды хлынул поток горячей дурной крови.

— Я бы тоже не отказалась от чашечки кофе, — мурлычет
Эля, томно улыбаясь.

— Тебе следовало бы одеться, — осипшим голосом отве-
чаю ей.

— Я тебя стесняю? Ты вроде взрослый мальчик, нет? —
Эля, сделав шаг ко мне, обвивает руками шею, прижимает-
ся ко мне всем телом. Призывно выгибается, трётся о меня
бедром.

Напряжение в паху становится практически невыноси-
мым.

— Эй, если ты не прекратишь, то окажешься жертвой

несчастливого случая. — Показываю ей чашку с горячим кофе.

— Давай уже избавимся от неё, — блестящими от влаги губами бормочет девушка.

— Почему бы и нет. — Хмыкнув, оставляю чашку на столе и, подхватив девушку под ягодицы, в два шага преодолеваю расстояние до широкого подоконника.

Усадив её на пластик, заглядываю в глаза.

Голубую радужку почти полностью затопил зрачок, скрывая в своей темноте настоящие эмоции девушки.

— Я сделаю для тебя исключение, Эля.

— Что за исключение? — приоткрыв пухлые влажные губки, срывающимся голосом бормочет девушка, почувствовав всю силу моего утреннего пробуждения в себе.

— Разрешу остаться со мной второй раз, — стиснув зубы, резко подаюсь вперед.

Выйдя из ванной, удивленно вскидываю брови, когда в коридоре напарываюсь на Элину, привалившуюся спиной к стене.

Девушка явно ждёт меня.

— Почему ты всё ещё здесь? Я же вызвал тебе такси. — задаю вопрос не слишком дружелюбным тоном.

Девушка мягкой походкой в два шага сокращает расстояние между нами, тянется ко мне.

— Я не знаю, что там произошло у таксиста, но он почему-то отменил заказ, — мурлычет Элина, и меня коробит от

её приторности.

Девушки становится слишком много. Это раздражает. Отвожу её руки и, не замечая скользнувшей в глазах обиды, прохожу на кухню. Разблокировав телефон, проверяю статус заказа.

“Заказ отменен.”

Сжимаю челюсть. Бросаю короткий взгляд на Элю. Та, невинно хлопая ресницами, с нескрываемым распутством рассматривает меня. Её взгляд, как липкие щупальца кальмара, присасывается к каждому миллиметру открытых участков кожи, и мне впервые хочется что-нибудь накинуть на себя, чтобы избавиться от иррационального ощущения стеснения.

— Я подумала: а почему бы мне не поехать на работу с тобой? Нам же по пути? — Не меняя интонации, девушка снова делает шаг в мою сторону, покушаясь на личное пространство.

Черт бы её побрал! И угораздило же вчера с ней связаться! Кидаю телефон на стол, тот со звонким хлопком шлёпается о столешницу. Девушка, вздрогнув, застывает на месте.

— Мы разве не обсудили этот вопрос, Элина? По-моему я тебе всё доступно объяснил. Я ни с кем не встречаюсь. НИ-КОГ-ДА. И на работу я никого не подвожу. НИ-КОГ-ДА. Для этого в городе существуют такси, ну или, на крайняк, личный автомобиль. — Лицо девушки перекашивается от негодования.

Плевал я на её задетые чувства. Нужно было не тупить и сваливать, как только представилась возможность, вместо того, чтобы дожидаться, когда тебя, как котенка, ткнут в твоё же дерьмо.

— Ну, ты и гад, Амир. Жестокий, как... — она умолкает, подбирая подходящие слова. — Не думала, что ты такой.

Проявляя благоразумие и сдержанность, Элина всё же тормозится, не опускается в моих глазах до истерички.

— Я разве не был честен с тобой? Я разве не сказал, что никакого продолжения не будет? — выразительно смотрю на неё, в глазах девушки дрожит возмущение, она сжимает губы в плотную линию, вздёргивает подбородок.

Хм, понятно, думала, значит, что сможет быть той, которая разморозит меня? Наивная.

— Ладно, давай не будем портить друг другу утро. Всё же начиналось так хорошо, — качаю головой и, взяв в руки телефон, снова вызываю такси.

— У тебя? — злобно фыркает девушка и выразительно окидывает взглядом область моего тела, что скрывается под полотенцем. — У меня же закончилось всё не особо, — сужает глаза. — Чувствую себя использованной.

Решила вдарить по моему мужскому достоинству? Глупышка. Я в себе уверен на все сто процентов. Приподнимаю уголок губ в ироничной ухмылке.

— Да пошёл ты... — взвизгивается Эля и, круто развернувшись, выбегает в коридор.

— Вот на хрена мне это нужно Эль?

— Не говори ничего. Я всё поняла, — дрожащим голосом отвечает девушка. Слышу, что она уже на грани. Про истеричку поторопился сделать выводы.

— Отлично. — Кивнув ей в ответ, приваливаюсь плечом к шкафу и, сложив руки на груди, наблюдаю за тем, как девушка суетливо собирается. — В этой жизни так не хватает понятливых людей.

Мля, не помешало бы мне заткнуться, но, видя, как Эля превосходно играет роль обиженки, не могу не поиронизировать на её счет.

— Послушай, Амир, у тебя вообще с совестью всё плохо? Ты не понимаешь, что, относясь так к людям, обижаешь их? — вопрошающе заглядывает мне в лицо.

— Возможно, Эля. Но ты сразу была осведомлена о том, зачем сюда ехала. Ты сама сделала выбор...

— Замолчи... — лицо девушки пылает огнем. — Жалею я о своём выборе, понял! — кричит и, повернувшись ко мне спиной, начинает перебирать замки, пытаясь открыть дверь.

— Я помогу...

— Не стоит, с этим я и сама могу справиться, а ты... — опалает меня гневным взглядом. — Даже не думай ко мне подкатывать свои шары. Я такого не прощаю.

Толкнув от себя тяжелую входную дверь, Элина фурией выскакивает в коридор и с грохотом захлопывает её за собой.

— Мымра, — усмехаясь, бросаю ей в спину и, отстранив-

шись от шкафа, возвращаюсь на кухню. — Истеришка.

Спустя полчаса я, матеря последними словами пробки, выкручиваю руль и пытаюсь протиснуться между плотно прижатыми друг к другу машинами, чтобы выехать из вереницы неподвижного металла.

— Ну же. Пусти! — Бью по сигналу, привлекая к себе внимание водителей рядомстоящих машин.

Те, не желая мне уступать, сигналият в ответ, размахивают руками, но я борзо давлю на газ, и внедорожник рвёт с места, роет колесами снег, присыпавший за ночь асфальт.

“Придурок!”

И чего я только не читаю в свой адрес по гневно искаженным губам водил, у которых не остаётся выбора и которым приходится тронуть свои “тазы”, чтобы всё же уступить мне дорогу.

Я нарочито медленно пробираюсь вперед, несмотря на направленные в мою сторону гневные взгляды, всем улыбаюсь и поднимаю руку в благодарность.

— Уроды, — бормочу сквозь зубы и растянутые в оскале губы. — Ну разве так трудно дать человеку съехать с этой чертовой дороги? Я же многого и не прошу, только подвинуться, — разговаривая сам с собой, я съезжаю с намеченного пути.

Чёрт! Другую дорогу приходится искать уже по навигатору.

“Чем могу помочь?” — обращается ко мне механический голос Алисы.

В ответ называю адрес торгового центра. Робот строит новый маршрут. Обращаю внимание, что ехать придется на десять минут дольше, но зато без пробок, что уже радует.

Лавируя на крузаке по заснеженным улицам, вдруг мысленно возвращаюсь во вчерашний день. В груди неприятно шевелится оставшийся после разговора с отцом осадок. Воспоминания вырывают из памяти эпизоды, которые лучше бы не видеть.

Флирт взрослого мужика с молоденькой женщиной. Ну такое себе зрелище, а когда ещё этот самый взрослый мужик — твой отец...

Пальцы сами собой инстинктивно сжимают руль. Из середины груди к глотке поднимается горечь. И причина этому — ревность. Мне кажется, что я до сих пор не простил отца за то, что он изменял матери, причинял ей боль. И не прощу никогда: вместо того, чтобы воспитывать собственного ребенка, шлялся по таким, как эта белобрысая сука, ищущая престарелого спонсора.

Отвлекаюсь от дороги всего лишь на секунду, чтобы оценить обстановку на перекрёстке, а когда устремляю взгляд вперёд... вижу непонятно откуда взявшуюся на пешеходе бабенку.

Резко ударив по тормозам, одновременно нажимаю на сигнал. Всё происходит мгновенно. Женщина, вскинув ру-

ки, закрывается, а я, уходя в юз, пролетаю в считанных сантиметрах от неё, не задевая.

Сердце в груди делает кульбит. Позвоночник простреливает током, и чувствую, как спину покрывает испарина.

Машину удаётся остановить в нескольких метрах от пешехода. Я, как ошалевший, вылетаю из внедорожника и широким шагом направляюсь к той, что так и осталась стоять на зебре.

— Эй! Эй, ты! — срывающимся от бьющих в голову гневных эмоций голосом, накидываюсь на женщину. — Ты совсем с головой не дружишь? Неужели сложно было посмотреть по сторонам, прежде чем выходить на дорогу? — Подлетаю к ней, у неё, видимо, шок, потому как она вообще не реагирует на меня и продолжает стоять, как деревянная. Схватив её за плечи, встряхиваю.

— Очнись уже!

И вновь открываю рот, чтобы добавить пару крепких выражений, но тут женщина отнимает руки от лица, чтобы ухватиться за мои плечи, и я охреневаю.

— Ты?! — срывается с губ вместо мата.

Глава 3

Вдох! Вдох! Ещё вдох!
 — Ну же, дыши уже, — злобно рычит мне в лицо вчерашний “знакомый”.

А я не могу, сердце заходится в диком припадке. Глаза расширяются до предела, в висках набатом бьёт пульс.

Этот гад чуть не сбил меня. Пришибленный.

Да у меня за пару секунд вся жизнь перед глазами пролетела! Картина, собранная из моментов сегодняшнего дня до сих пор перед внутренним взором.

Утро я бужу Милану, но дочка капризничает, — не хочет вставать. Решаю, что пойду ей навстречу, оставлю дома. Сделаю маленькую приятность. Отец поддерживает моё решение. Остаётся дома вместе с внучкой.

Глянув на часы, понимаю, что уже опаздываю на работу. Бегу. Задумываюсь. На миг ухожу в себя. На душе тревожно из-за того, что отдалилась от Милы. Слишком рано записала её в ряды взрослых самостоятельных детей. Размышляю, как бы наладить связь с дочкой и, не глянув по сторонам, шагаю на пешеходный переход.

И меня тут же отрезвляют протяжный сигнал и визг покрышек об асфальт. Зажмуриваю глаза. Сжимаюсь в комок, ожидая разрушительного удара. И тут меня уносит на девять лет назад. На долю секунды я вдруг жалею о том, что олигарх не знает о дочери, потому как перед лицом опас-

ности прекрасно осознаю: отец не потянет Милану. Не сможет вырастить один.

— Света! — рывкают на меня так, что в ушах звенит.

Хлопаю глазами и фокусирую взгляд на мужчине, склонившемся к моему лицу.

— Т-ты! — срывается с губ, и тут я понимаю, что мои лёгкие нещадно горят, в них нет кислорода.

Делаю рваный вдох.

— Угу, я. — В глазах мужчины мелькает облегчение, но вот суровое выражение лица никуда не исчезает.

— Ты меня чуть не задавил!? — хотелось бы крикнуть ему в лицо, но получается лишь сипло промямлить.

Хватка на плечах усиливается, и я делаю попытку вырваться. Но по тому, как мужчина смотрит на меня, я понимаю, что не смогу этого сделать.

— А ты какого хрена выскакиваешь на дорогу, как чёрт из табакерки? — Его взгляд гневно пылает, не могу оторвать глаз от лица напротив. Смотрю заворожённо, как зрачки медленно поедают чернотой янтарную радужку, аж дыхание перехватывает.

— Отпусти, мне больно, — бормочу, еле разлепив губы.

— Больно бы тебе было, если б под колеса танка моего попала, а так... — Мужчина разжимает пальцы и, перехватив меня за воротник, тащит к автомобилю.

— Т-т-ты сдурел?

Отмахиваюсь от него руками, пытаюсь достать сумочкой.

У него точно с башкой не всё в порядке. Что он себе позволяет?

— Не рыпайся. И не привлекай внимания. Я из-за тебя и так на работу опаздываю, — будничным тоном произносит мужчина, продолжая тащить за собой, как безвольную куклу.

— Ты тупой совсем? Ты мне шубу порвёшь! Отпусти. Немедленно! Куда ты меня тащишь?

Меня трясёт от его наглости и хамства. В груди разрастается негодование, готовое перерасти в яростный смерч.

— Не тащу, дорогая, а убираю с дороги, — усмехается.

И мне чудится, что он словно бы специально не заканчивает предложение: сказал так, будто речь идет о мусоре каком

Вот же гад.

— Послушай, ты! — я, перехватив его запястье, упираюсь каблуками в асфальт.

А этому хоть бы что, он как шёл, так и идёт, даже, не то что не останавливается, — с шага не сбивается.

Подойдя к автомобилю, он открывает пассажирскую дверь и толкает меня.

— Залезай! — командует.

Вот те раз! Ни здрасьте, ни до свидания. Залезай!? Да что он о себе возомнил?

Я резко разворачиваюсь к нему, уже полыхающая нездоровым противоборством, как вдруг этот мужлан, подхватив

меня на руки, как будто это не я тут вешу шестьдесят пять килограммов, просто без всяких вопросов закидывает меня в салон, как мешок с картошкой. Захлопывает перед моим носом дверь.

У меня случается кратковременное замыкание.

— Что сейчас было? — бормочу под нос. Ошарашенно кручу головой, но мой взгляд так или иначе всё равно прикован к мужчине, который обходит машину и, открыв дверь с водительской стороны, забирается внутрь.

— Что? — спрашивает, не глядя на меня.

— Ты?! — возмущаюсь.

— Да, я. И что? Что у тебя с лицом?

Мужчина, протянув ко мне руку, поддевает подбородок, и у меня клацают зубы.

— Да, прекрати ты меня трогать! Кто тебе вообще позволял? — Я с размаху бью его по запястью, но... то ли моей силы не хватает, то ли он напрягается, предугадывая мой следующий выпад... но его рука так и остаётся на месте.

— А если я проявил инициативу, нельзя? Ты вроде вчера не казалась такой уж ледышкой с моим отцом, — кривит губы в злорадной усмешке. — Или только ему можно?

Неожиданно его взгляд меняется, становится глубже, проникновеннее, от него меня кидает в жар. Мужчина так пристально смотрит, как будто задумал что-то нехорошее... Я, растерявшись, пытаюсь затаиться, а он вдруг перемещает большой палец на мою нижнюю губу, проводит по контуру,

задевая мелкие обветрившиеся трещинки.

Меня потряхивает. В голове всё шумит, крутится. Тело обдаёт жаром, и волна дрожи прокатывается по позвоночнику, заставляя рефлекторно дрогнуть. На мужское прикосновение следует незамедлительная реакция. Сама не сразу осознаю, как тянусь к нему, как чуть раскрываю губы в предвкушении...

Как вдруг...

Мужчина отдёргивает руку, морщится. А я, вспыхнув, ша-рахуюсь в сторону будто от пощёчины. Сжимаю в кулаке ворот шубы, вжимаюсь в дверцу.

Чёрт возьми!

Мои щёки пылают стыдом от безумной выходки. Что со мной? Это шок? Сдали нервы? Что? Зачем?

— Ну, долго я ещё буду ждать? — грубый, резкий голос мужчины отрезвляет меня моментально.

Я, вытянувшись в струнку, с испугом поглядываю на него:

— В смысле?

Облизываю вмиг пересохшие губы. И, подобравшись уже, тянусь к ручке.

— Сидеть на месте.

— Да что тебе, чёрт возьми, от меня нужно?! — вскидываюсь, почти накричав на того, кто с нарочитым превосходством рассматривает меня, будто я испорченный товар.

Внутренне сжимаюсь, мне чертовски неприятно то, как этот самодур пялится на меня, но внешне я спокойна. Вздер-

нув подбородок, расправляю плечи, приосаниваюсь.

— Адрес назовёшь? Или будем торчать здесь до ночи? Дуру выключай уже. Я на работу опаздываю, — бросает мне по-хамски.

— Ты! Да ты! — возмущенно срывается с моих губ.

— Адрес говори и хватит кочевряжиться, — осаживает меня, — со стороны смешно выглядишь.

Слова застревают у меня во рту. Это ни в какие рамки не лезет. Он вообще понимает, что говорит? Разве можно с малознакомым человеком вот так разговаривать?

Секунда. Две. И я, наконец-то справившись с эмоциями, бурлящими во мне, проглотив все бранные слова, которые крутятся в моём мозгу, отвечаю ему сдержанно:

— Спасибо, но я, пожалуй, сама доберусь до работы, — Не буду скатываться до уровня этого быдла.

Мужчина смотрит на меня и одновременно, резко вывернув руль, срывает автомобиль с места. Меня вдавливают в сиденье. И я, вместо того чтобы открыть дверь, крепко хватаюсь за ручку.

— Адрес, — слышу настойчивое со стороны водителя.

— Ленинский проспект, сто восемнадцать, — скороговоркой срывается с моих уст. И я целиком сосредотачиваюсь на агрессивном вождении мужчины. Волосы начинают шевелиться на затылке, когда... прищуриваю глаза, готовясь к столкновению с впереди идущей машиной.

— А ты и правда умом и смекалкой, как я посмотрю, не

блещешь? — басит сын босса.

Ну как же он бесит, этот гад. По имени этого придурка даже мысленно не хочу называть. Боюсь, что как только начну думать о нём больше, чем положено, рискую оставить этого гада в своей жизни. А я не хочу, мне однажды уже повезло столкнуться с подобным. Но если тогда меня подвели к интрижке с олигархом обстоятельства, то здесь... Искося поглядываю на мужчину и тут же отворачиваюсь, увидев на его лице наглую ухмылку. Вот урод. Издевается ещё. А я тут, дура, думала о нём. Даже во сне приснился.

Мужчина тем временем, как будто наслаждаясь тем, что пугает меня неадекватным поведением на дороге, ещё больше виляет.

Господи, помоги! Зажмурившись, начинаю неистово молить Всевышнего, чтобы он защитил меня от этого обезумевшего. И как только у такого степенного человека, как Марат, мог родиться такой сумасшедший сын?

— Эй! — небрежно толкает меня в плечо мужчина.

Я открываю глаза, смотрю на него, а когда понимаю, что мы стоим на месте, оглядываюсь.

— Слава тебе, Господи, — бормочу под нос, видя перед собой стеклянные двери салона.

Начинаю суетиться. Хочу выйти. Хватаюсь за ручку, дёргаю её. Закрыто.

Перевожу вопросительный взгляд на мужчину.

— Я жду.

Вальяжно раскинувшись на сиденье, смотрит на меня.

— Не поняла?

Подобравшись, сжимаю сумку в пальцах, *так, на всякий случай*. Готовлюсь ждать объяснений, а если представится удобный момент, то и ноги унести.

— Послушай, Света. Я не могу понять, как ты вообще выжила вне джунглей? Тебя кто, Маугли воспитывал? Ты в школе не училась, или как?

— Постой-постой, — вытягиваю руку перед собой. — Я уже поняла, что у тебя ко мне особенная “любофь”, и всё такое...

— Ха-ха-ха. Смешно, ага, — перебивает меня мужчина и резко подаётся в мою сторону. Я же от неожиданности дергаюсь назад и испуганно распахиваю глаза.

— “Спасибо”. Дорогая, я жду от тебя элементарной благодарности, — слова мужчины падают изо рта сквозь сцепленные зубы. Злится. Хотя на губах играет нахальная улыбка.

— Спасибо, — срывается скупая благодарность с моих губ.

Тут же слышу щелчок. Такой громкий, что я невольно вздрагиваю.

— Теперь можешь идти, — отзывается повелительным тоном и кивком показывает на дверь.

Я же, пылая от бурлящего во мне гнева, нервно дернув ручку, фурией выскакиваю из машины.

— Придурок, — грубо бросаю ему и сбегаю, укрываясь за

дверьми салона.

Не здороваясь с девочками, пролетаю в кабинет, захлопываю за собой дверь и прижимаюсь к ней спиной.

— Боже! Боже! — срывающийся шёпот опалает горячим дыханием губы.

Озноб пробирает до костей, на коже появляются мурашки. Закрыв глаза, обхватываю плечи ладонями, интенсивно потираю.

Как же я замерзла. Так сильно окоченела, что зуб на зуб не попадает.

Внезапный стук в дверь заставляет замереть, затаить дыхание.

Стук повторяется. Уже настойчивее. Я делаю шаг в сторону, берусь за ручку и одновременно со мной её кто-то... *нет! Это не кто-то — это он: сын Марата, — я чувствую его нутром, прежде чем распахнуть дверь.*

— Ты забыла. — Отодвигая меня в сторону, проходит в мой кабинет мужчина, оглядывается.

Я же, выхватив из его руки перчатки, запихиваю их в карман.

— Оу, а ты, оказывается, и правда работаешь? — удивлённо вскинув брови, иронично присвистывает мужчина, пройдясь по мне оценивающим взглядом.

— Уходи, — только это слово я могу выдавить из пересохшего рта.

У меня сердце в груди бухает так, будто сейчас разорвётся.

Волнение, смешанное с тревогой, пульсирует в мозжечке, не давая расслабиться, успокоиться, чтобы взять себя в руки.

— Ты и правда дикарка. Совсем не умеешь быть вежливой? А если бы я был твоим клиентом?

Мужчина вдруг поворачивает ко мне лицо, упираясь своей подтянутой задницей в мой стол. Мой, черт его подери, стол! Как я потом буду за ним работать?

— Уходи, — повторяю, как будто меня заело.

Могла бы, конечно, и послать его, но, увы, весь мой запал мгновенно пропадает под его пристальным, пробирающим до мурашек взглядом.

— Интересно, кем тебя пристроил здесь отец? Парикмахером? Может быть, визажистом? Или администратором? — будничным тоном интересуется мужчина, игнорируя мои просьбы.

— Если ты сейчас же не уйдешь, я позвоню твоему отцу. Я не намерена....

Одна секунда, ему понадобилась одна чёртова секунда, чтобы оказаться рядом со мной. И прежде чем я понимаю, осознаю, что вообще происходит, мужчина, взяв в плен мои запястья, прижимает к себе сильно, крепко, без единого шанса на высвобождение.

— Ты вздумала мне угрожать? — рокошет он, склоняясь почти к самому моему лицу. — Я не ошибся?

Чувствую его горячее дыхание на своих воспаленных губах, коже. Его глаза, как два магнита, притягивают к себе,

завораживают, не отпускают. Чувствую себя загнанной в ловушку.

— Как хочешь, так и думай, — выдавливаю из себя через силу, отчего голос кажется совсем не моим, чужим.

— Слушай, — мужчина продолжает наступать на меня, подавлять.

Он так близко, что я могу разглядеть на его лице каждую родинку, каждую морщинку.

— Я не хочу тебя слушать, — громко сглатываю, делаю взмах ресницами, и в этот момент он сокращает расстояние между нашими лицами и... целует меня.

Моё сердце делает кульбит. Удар. Ещё удар, но не в груди, где-то в районе живота. Эти удары разгоняют облако бабочек, притаившихся под толстым слоем времени, и они одним махом взмывают вверх, к солнечному сплетению, выбивая из лёгких... стон.

Но вдруг всё так же неожиданно быстро заканчивается, как и начиналось. Мужчина отталкивает меня, отступает на шаг. Смотрит гневно, а я чуть ли не в предобморочном состоянии нахожусь. Как, как я себе могла позволить такое? Что, чёрт возьми, он со мной делает? И самый острый вопрос: почему? Почему я так на него реагирую, ведь он бесит меня! Вчера, всю ночь и сейчас. Я смотрю в его чёрные глаза, полыхающие злостью и пренебрежением, и ненавижу. Ведь в душе понимаю, что он делает это специально. Играет со мной, но для чего?

— Я так и думал, — неожиданно сиплым голосом выдаёт мужчина, с долей омерзения на лице вытирая после поцелуя губы. — Отца, значит, мало? Денег мало?

Ах, вот оно что!?! Он думает, что я гулящая?!

— Пошёл вон, мерзавец! — Вскидываясь, замахиваясь на него, но он успевает перехватить руку. Мои пальцы проходят по касательной, лишь слегка задевая его кожу.

Он грубо дёргает меня на себя. Я вжимаюсь в его каменное тело. Часто моргаю.

— Ещё ни одна, слышишь, ни одна девка не смела поднять на меня руку, — рычит он сквозь зубы мне в лицо. — Ты за это ответишь.

Отбрасывает мою руку в сторону и широким шагом выходит, оставляя меня наедине с самой собой и жгучими слезами обиды, наполнившими глаза.

Глава 4

День тянется невероятно долго. Работа не идёт. После пережитых с утра событий, я никак не могу собраться. Из всех сил успокаиваю себя, пытаюсь отвлечься, но мысленно постоянно возвращаюсь к напряжённому и неприятному диалогу с Амиром.

Всякий раз обида затапливает меня. Смахнув набежавшие на глаза слёзы, снова принимаюсь работать.

Подонки. Это что нужно иметь в душе, чтобы так беспочвенно обвинять человека? Откуда он вообще взял, что я любовница его отца? Конечно, он мне не сказал это напрямую, но по его взгляду всё было понятно и без слов.

Отложив ручку, прячу лицо в ладонях, стараясь подавить подступающую истерику. Как бы я ни хотела отгородиться, как бы я ни хотела не думать о том, что произошло, но малячные мысли об Амуре навязчиво долбят мне макушку. Его слова, вкручиваются ржавыми шипами в мою черепную коробку, причиняя почти физическую боль.

Сделав рваный вдох, нетерпеливо встаю со стула, подхожу к окну, которое выходит на дорогу. Упираюсь ладонями в подоконник, утыкаюсь лбом в прохладное стекло. Прикрываю глаза.

Мысли текут в обратном направлении, унося меня в прошлое.

Семь лет. Ни разу за семь долбаных лет, после того как покинула столицу, сбежав беременной от олигарха и своей тетушки, ни разу за всё то время, что живу с отцом, я не подпустила к себе мужчину. Ни разу не позволила коснуться себя ни одному ухажёру. Да я даже ни разу ни с кем не целовалась!

Так почему я позволила Амиру поцеловать себя? Почему? Пальцы невольно взлетают к лицу, касаются губ.

Мне кажется, или они до сих пор пылают при одном лишь воспоминании о нём? Какой же он гад! В нём нет ни капельки благородства. Быдло и хамло. Ему абсолютно плевать даже на то, что у меня есть маленькая дочь. Ему захотелось унижить меня, и он это сделал. За что?

Моя нервная система даёт сбой. Чувствую, как плечи начинают дрожать. В груди назревает рыдание. О какой работе может идти речь, когда я в таком состоянии? Меня от эмоций разрывает на части. Если Амир хотел вывести меня из себя, он этого добился. Только бы понять, для чего он это сделал? Чем обосновано его такое ко мне отношение? Может, он приревновал к отцу?

Так мы с Маратом только и сделали, что обмолвились парой слов в его присутствии. Да я даже и знать не знала, что у босса есть сын. За все те годы, что работаю у него, он ни разу не упоминал ни о своей жене, ни о своих детях. Да мне и не было это интересно. Мужчина не говорил, а я не спрашивала.

Меня не интересовала чужая семья, у меня была своя: дочка, отец. Мне некогда было задумываться о том, чем живет и чем дышит мой босс.

Внезапно громкий гудок заставляет вздрогнуть. Я распахиваю глаза. Это большая фура, проезжая мимо, послала кому-то. А мне в голову вдруг пришла мысль: возможно, этому подонку что-то рассказала Милана? Ляпнула невпопад, а этот придурок, приняв её слова за чистую монету, решил таким образом проучить меня? Но какова его цель? Ведь я ему ничем не мешаю. Да и вообще, я для него никто! Или...

Или, может быть, сам Марат дал повод своему сыну думать иначе. Ведь когда мы ушли, сын и отец остались вдвоём. О чём они говорили, мне неизвестно...

Боже!

Ладонь ложится на лоб ощутимым шлепком. Как же я сразу об этом не подумала! И Милана здесь ни при чём. Видимо, сам босс подтолкнул Амира на подобные действия. Ведь с чего-то же мужчина взял, что я являюсь любовницей его отца, несмотря на то, что этому нет никаких подтверждений.

Резко развернувшись на месте, широким шагом подхожу к столу. Достая из ящика телефон — *всегда его там держу, чтобы не отвлекал* — открываю контакты и, найдя номер босса, зависаю: а что я ему скажу?

Что его сын преследует меня? Что пристаёт? Хамит и ведёт себя со мной, как быдло?

Но это не совсем правда. С Амиром мы встретились совершенно случайно, и то, получается, по своей же неосторожности я чуть не попала под колеса его внедорожника. А в том, что я позволила ему разговаривать в таком тоне, виновата сама. Я бы могла дать Амиру отпор, но почему-то стушевалась перед ним. И что босс сделает Амиру... Стоп... Чёрт возьми...

Только сейчас ловлю себя на том, что в своих мыслях называю этого подонка по имени. Нет! Нет! Это табу, запрет. Я не должна. Не хочу о нём думать.

Кладу телефон обратно, давя на лоб пальцами, останавливая разогнавшуюся пульсацию в висках. Он больной придурак. Я не должна о нём думать. Не должна.

Настойчивый стук в дверь привлекает моё внимание. Напряжённо застываю в ожидании, глядя на дверь. Когда стук повторяется, сдавленно произношу:

— Заходите!

Вцепившись пальцами в края столешницы, я, не мигая, наблюдаю за тем, как медленно открывается дверь и на пороге появляется мужской силуэт.

— Светик, здравствуй, — мягко улыбается неожиданный посетитель, направляясь в мою сторону пружинистым шагом.

— Марат Вениаминович?! — выдавливаю приветливую улыбку. У самой же сердце в груди до сих пор уняться не может. Я так задумалась об Амуре, даже грешным делом ре-

шила, что это он стоит за дверью.

— У тебя такое лицо, Светик... Что-то случилось? — обеспокоенно заглядывает мне в глаза мужчина.

Не знаю почему, но я отрицательно качаю головой:

— Нет. Хотя... я сегодня немного не в себе. Вы правы. Ещё никак после вчерашнего не могу прийти в себя. В каком-то волнении весь день прошёл.

Опускаю глаза вниз, пряча их от внимательного карего взгляда. Марат обходит стол и встаёт за моей спиной. Мне становится крайне неудобно. Суетливо переминаясь с ноги на ногу, спешу сделать шаг в сторону, но неожиданно меня припечатывают к месту тяжелые мужские ладони, опустившиеся на плечи.

Меня будто током простреливает. Моё окаменевшее тело неподвижно застывает на месте.

— Светик, ты чего так напряглась?

От мерного дыхания волосы зашевелились на затылке. И только благодаря тому, что я сжимаю пальцами столешницу, босс не видит, какую он реакцию вызывает во мне.

Пальцы мужчины перебираются чуть ниже, обхватывают мои предплечья, сжимают. Я зажмуриваю глаза.

Боже, только не это!? Не хочу даже представлять, что в голове у мужчины и что будет дальше.

Разве это не слишком для сегодняшнего дня? Неужели испытания ещё не закончены? Не думаю, что моего лимита терпения может хватить на сумасбродную выходку ещё и от Ма-

рата.

— Может, мы сегодня всё же поужинаем? У меня есть к тебе несколько вопросов личного характера и одно заманчивое предложение...

Меня прошибает пот в тот момент, когда мужчина, подтолкнув меня, направляет к выходу.

— Н-н-о-о, — заикаюсь и, сделав судорожный вдох, прочищаю горло, пытаюсь остановиться, — давайте всё обсудим здесь?! Я хотела пораньше вернуться домой. Обещала Милане...

— Светик, обижаешь, — мягко журит меня мужчина и, подведя к вешалке, помогает надеть шубу. — Я тебя надолго не задержу. Я просто голодный, как волк. Только недавно вернулся. А наши дела нам с тобой очень срочно нужно решить.

Покосившись на Марата, я думаю всё же не лезть на рожон. Понимаю, что сопротивляться смысла нет. Всё равно бесполезно, отвертеться от него не получится.

Марат по-джентельменски открывает передо мной дверь, приглашая выйти первой.

— Вы уже уходите? — окидывает нас любопытным взглядом Вероника.

— Да, Ника. Сегодня я уже не вернусь. Когда будешь уходить, не забудь, пожалуйста, проверить сигнализацию. Если что-то срочное — звони...

Даю указание за указанием, как будто боюсь что-то за-

быть, или... хочу отсрочить тот момент, когда останусь с боссом наедине.

— Не волнуйтесь, Светлана Петровна, — успокаивает меня Вероника и обращает всё своё внимание на клиента: “колдует” над головой ножницами в одной руке и расческой в другой, — моментально забывая обо мне.

— Светик, да не суетись ты. — Подхватывает меня за талию мужчина, чуть прижимая к себе, и мы выходим на улицу, где взгляд тут же упирается в чёрный внедорожник, который чуть не задавил меня сегодня на пешеходном переходе.

У меня кровь стынет в жилах, а кожу вмиг облепляют огромные мурашки. Я притормаживаю. Марат удивлённо скидывает брови.

— Оу, а вот и сынок пожаловал. Интересно, что он тут забыл?! — странно косится в мою сторону босс.

Мне кажется, что я нахожусь в каком-то театре абсурда и фарса. Мне не нужно видеть: я чувствую, как Амир прожигает меня чёрными, будто сама адова пасть, глазами.

Внутри всё трясется, и я бессознательно лгну к Марату Вениаминовичу ближе, чтобы найти защиту. Где-то на задворках сознания разум подсказывает, что делаю это зря, но разве я в такой момент могу совладать с первобытным инстинктом? Страх поработщает меня, вырываясь наружу. И сейчас я не знаю, чего или кого боюсь больше: того, что мне может предложить босс, или же человека, который продолжает наблюдать за нами, сидя в машине.

— И чего не выходит? — неожиданно голос босса прорывает мембрану паники, которая окутала меня, лишая слуха, и я, вздрогнув, отталкиваюсь от мужчины.

Марат заглядывает мне в лицо, изумленно вздёргивая бровь.

— Светик, ты сегодня и правда какая-то странная. У тебя точно всё в порядке? Ты от меня ничего не скрываешь? — подозрительно спрашивает.

Я кручусь в его руках, пытаюсь высвободиться. И как только Марат разжимает пальцы, удерживающие в кулаке шубу, я отскакиваю от него чуть ли не на метр.

— Всё... всё хорошо, Марат Вениаминович. Мне просто стало как-то душно. У вас новая туалетная вода? — я для вида размахиваю перед лицом ладонью, отвлекая мужчину.

— Что? Туалетная вода? Да нет, та же.

Заметив, как дёрнулась жилка на скуле босса, я понимаю, что рассердила его своей выходкой. Ну и пусть. Зато так я хотя бы могу набрать воздуха в лёгкие.

— Тогда мне просто отчего-то стало дурно, — бормочу и кошусь в сторону припаркованного джипа. Дура, вот зачем мне нужно это делать?

— Мне кажется, причина в другом, — гремит босс и, подойдя вплотную, с твердым намерением подхватывает меня под руку и, не обращая внимания на мои протесты, тащит в сторону джипа.

— Марат Вениаминович, не нужно. Что вы творите? —

возмущенно шиплю, выдерживая руку.

— Это он? Он тебя достаёт? — кивает на внедорожник мужчина.

— Нет, Марат. Правда. Ничего не достаёт! Я вообще его со вчера не видела! — меня несёт. Зачем-то вру боссу.

Озираясь по сторонам, ищу взглядом прохожих, но улица, как назло, пуста. Страх овладевает моим разумом, и я не сразу соображаю, что назвала босса по имени.

Когда до машины нам остаётся всего несколько шагов, Амир с силой вдавливают педаль газа, и машина с визгом срывается с места, обдавая нас тучей снежной пыли.

Вскинув руку к лицу, закрываюсь рукавом. Босс же, сжав мой локоть, злобно ругается.

— Что за выходы? Что за ребячество? — зычный голос Марата дрожит возмущением.

— Света! Что происходит? — рывком разворачивает меня к себе лицом.

Я вынужденно падаю в его руки, выбрасывая ладони вперед, чтобы уцепиться за мужские плечи. Поднимаю на него глаза.

— Откуда мне знать?! Это ваш сын! У него и спрашивайте.

Эмоции рвутся из меня смерчем. Я отталкиваю мужчину, и он не удерживает меня, отпускает. Как будто понимает, чувствует, какой шквал возмущения перекручивает меня изнутри, превращая моё самообладание в прах. Я к такому

не готова. Хочу сейчас только одного: чтобы всё закончилось поскорее. Этот день завершился, а ночь похоронила в своей мрачной топи все его события.

— Да, ты права, Света.

Наблюдаю за боссом. Он сильно старается, чтобы взять свои эмоции под контроль. Проводит по волосам рукой, стряхивая с них снежную пыль, бросает короткий взгляд на меня, кивает.

— Я обязательно поговорю с ним сам и всё выясню, — хрипло срывается с его губ обещание.

Приближается в несколько широких шагов к своему авто, припаркованному тут же, распахивает пассажирскую дверь.

— Садись. Поехали, — отдаёт сдержанный приказ.

Я в нерешительности остаюсь стоять на месте.

Откажись. Найди причину не ехать. Сошлись на плохое самочувствие, — не дремлет интуиция, подкидывая варианты, чтобы сбежать. Но ведь это детский сад.

Разве я могу?! Когда начальство просит, отказывать нельзя. Так?! — задаю сама себе вопрос и через силу делаю шаг, потом второй в направлении автомобиля.

— Только ненадолго, — прошу босса, перед тем как сесть в машину.

Губы мужчины в нетерпении сжимаются в тонкую линию. В глазах вспыхивает раздражение, но внешне он этого не показывает.

Наоборот, нарочито медленно прикрывает дверь, старает-

ся, чтобы она не хлопнула, открыв водительскую, забирается в салон, заводит машину.

— Прости, Свет, что пришлось наблюдать подобное. Больше этого не повторится, — обещает мужчина, трогаясь с места.

Автомобиль степенно катится по белому, засыпанному снегом асфальту. Босс молчит, и я не нарушаю тишину. Но сердце в груди отчего-то заходится, как ненормальное. Будто предчувствует что-то нехорошее. Но я внутренне уговариваю себя, что всё это из-за придурочного сыночка Марата. Вот же повезло мне встретить его на пути! Ну ничего, ничего. Надеюсь, босс вставит своему отпрыску мозгов. Может, тогда он от меня отстанет!

Эх, знала бы я, чем закончится этот ужин, чёрт возьми. Никогда бы не согласилась на предложение босса составить ему компанию.

Глава 5

Добираемся до ресторана быстро. Марат Вениаминович настолько сосредоточен на своих мыслях, что за всю дорогу не произносит ни слова. И, только припарковав автомобиль, смотрит на меня задумчиво.

— Успокоилась? Согрелась?

Его взгляд проходится по мне так, будто рентгеновские лучи сканируют.

Вздергиваю бровь. *С чего это он вдруг интересуется?*

— Да. Всё в порядке, — киваю.

Марат Вениаминович неожиданно подаётся вперед, а я вжимаюсь в сиденье.

Босс открывает бардачок и что-то достаёт, делая вид, что не замечает моего движения, но при этом его ладонь, еле касаясь, но всё же проходится ребром по моему колену.

Морщусь.

Мужчина же, заглушив двигатель и выбравшись из салона, тихо прикрывает за собой дверь.

Натягиваю капюшон на голову, пробегаюсь глазами вокруг себя на предмет забытых вещей и только тянусь к ручке, чтобы выйти, когда босс сам открывает дверь и подаёт мне руку.

— Спасибо, — буркаю, принимая помощь.

Слова Амира о том, что я дикарка, вдруг неприятным

эхом отзываются в моей голове. До сих пор для меня остаётся загадкой, как у сына босса получается вывести меня из равновесия даже в мыслях.

Тряхнув головой, пытаюсь прогнать навязчивые образы. Мне кажется, я этого человека настолько ненавижу, что моя кровь буквально пропитывается ядом, который в избытке содержится в его имени.

Неудивительно, что мои мысли постоянно возвращаются к нему. Он, как паразитирующий вирус, пробрался в мой мозг и начал там молниеносно почковаться, заполняя голову только собой. Осознаю это, и мной всё больше овладевает страх. Я очень хочу как можно скорее избавиться от этой ноши. Но как? Как сделать так, чтобы наши пути с Амиром больше не пересекались? Боюсь, что ещё пара подобных встреч и мои нервы не выдержат такого надругательства. Мне проще будет уволиться с работы, потому как позволять морально насиловать себя я не позволю никому.

А если вдруг... меня посещает дикая догадка: если он продолжит преследовать меня? Вот допустим, зачем он приезжал ко мне на работу? Что хотел? Поймать меня с поличным? И что сказать, у него это получилось. Увидев нас вместе с Маратом, он сделает для себя “правильные” выводы.

— Светик, — настойчиво зовет ко мне голос босса.

Хлопаю глазами и фокусирую зрение на мужском лице, которое оказывается прямо передо мной, совсем близко. Невольно охаю, пытаюсь отстраниться, но цепкие жилистые

пальцы не позволяют. Босс, улыбнувшись мне, подхватывает за талию и в таком положении ведёт ко входу.

Мне становится очень неудобно от его жеста. Я начинаю возиться в его руках, но делаю только хуже.

— Светик, ну что ты, как маленькая? Позволь поухаживать за тобой. Я же ничего дурного не делаю, — в голосе босса звучит искреннее недоумение.

Чувствую себя по-дурацки. Мне стыдно оттого, что я веду себя с боссом не как взрослая девушка, точнее, женщина, а как нерадивая школьница. Это же, в конце концов, не его вина, что у его сына свистит кукуха?! И имеется какая-то маниакальная идея подпортить мне жизнь. Да и вообще, по тому, как босс отзывается об Амире, я делаю вывод, что сын с отцом не так уж и близки. Будто между ними кошка чёрная пробежала.

— Марат Вениаминович, вы меня извините. Я нервничаю. Отчеты не готовы. С Миланой проблемы, а тут ещё и...

Ваш сын нарисовался, не смотришь, — чуть не срывается с языка, но я вовремя его прикусываю.

— ... папа со своими нравоучениями. В пору съезжать от него, — перекидываюсь я на другую, не менее животрепещущую и актуальную тему в моей жизни. Но это наше личное, семейное, и я на самом деле не хочу выносить сор из избы. Вырывается изо рта неожиданно, но так вовремя, перекрывая моё невысказанное предложение.

— А что случилось? — тут же оживляется босс.

В это время мы уже оказываемся внутри. Нас встречает официант, проводит к столику, отделённому от общего зала ширмой.

В голове ставлю галочку: по-видимому, босс заказал столик заранее. Марат, не нарушая моего личного пространства, позволяет мне первой выбрать место на мягком диване, сам же садится не рядом, а напротив. Я отвечаю ему благодарной улыбкой. И почти сразу же взгляд босса, до этого немного смягчившийся, становится жёстким и холодным. Он смотрит куда-то за мое плечо. Его челюсти сжимаются так, что слух режет противный скрежет зубов. Его глаза практически чернеют, кадык дёргается, и я, не выдерживая накала, оглядываюсь в том же направлении.

Меня тут же будто прошибает током. Совсем недалеко от нас, за таким же столиком, огороженным резной деревянной ширмой в крупную клетку, сидит Амир в обществе двух женщин. Их лиц я не вижу — они расположились к нам спиной. Зато полыхающий яростью взгляд Амира я ощущаю на себе так явственно, что кожа внезапно покрывается испариной, и мне хочется немедленно провалиться сквозь землю.

Что он тут делает? Зачем он здесь? Или это злой рок в его обликии начал преследовать меня?

— Останься здесь, Светлан, — только благодаря тому, что босс заговаривает со мной, мне удастся прервать зрительный контакт с Амиром. — Заказывай то, что будешь есть. Я сейчас подойду.

Марат Вениаминович резко встаёт, чуть ли не опрокидывая стол. Обходит наше место и направляется к Амиру. Я же, схватившись за столешницу пальцами, еле удерживаю ни в чём не повинный предмет мебели.

Воровато оглянувшись по сторонам, я вдруг понимаю, что пора...

Пора бы валить отсюда. С каждой секундой обстановка накаляется. Неясно, чем там закончится разговор босса с сыном, но это меня никак не должно касаться. Я просто потихому сейчас уйду, а с боссом я разберусь позже, потом отпишусь ему в SMS.

Нагибаюсь за упавшими на пол буклетами. Собираю все в кучу, и только хочу подняться, как взгляд упирается в начищенные до блеска ботинки, появившиеся перед глазами будто из ниоткуда.

Поздно, — всплывает в подсознании тревожная мысль, и противно щиплет под ложечкой. — *Поздно бежать, Света.*

— А ты неугомонная, я смотрю, — обдаёт жаром мою макушку горячий, приправленный сарказмом бархатный баритон.

И мурашки покрывают мой позвоночник, щекоча корешок каждого нерва.

Я резко выпрямляюсь, и у меня всё плывет перед глазами. Давление шарахает в голову не по-детски. Хорошо, что сижу за столом, а не то свалилась бы к ногам этого придурка.

— Амир! — сотрясает воздух ресторана глубокий бас Ма-

рата.

А мне настолько плохо, что необходимо время, для того чтобы вернулось зрение. Неожиданно ощущаю, как надо мной нависает тень и становится до жути неуютно.

— Ну вот и доигрались. — Чувствую на своих губах привкус ментола, смешанного с кофейным ароматом.

Я тут же подношу руки к лицу, чтобы прикрыться, но мои запястья вдруг попадают в плен, и, резко дёрнув вверх, Амир заставляет меня подняться на ноги.

— Оставь её! — снова откуда-то сбоку раздается голос босса. — Света! — взволнованно.

И в этот момент ко мне возвращается зрение. Но лучше бы я не видела того, что открылось моим глазам.

— А ты и правда дура, — цедит сквозь зубы и тащит меня на выход Амир, а я взгляд не могу оторвать Марата Вениаминовича, который держит на руках маленькую девочку. Вторая же девчужка — постарше — прилипла к его боку, а за его спиной стоит женщина, её глаза искрятся ненавистью, рот искривлён в злобном оскале. Она похожа на дикую тигрицу, защищающую свою семью.

И мне хватает одного взгляда, брошенного на них. Одной здоровой мысли, чтобы понять: это жена и дети Марата Вениаминовича.

Наши с ним взгляды встречаются. Он дико зол. И я не завижусь тому, кто попадет под его руку. Краем глаза замечаю, как мужчина пытается отнять от своей шеи маленькую

куколку и вручить её жене, но та стоит словно изваяние, наблюдая за тем, как Амир тащит меня к выходу.

— Ты хоть понимаешь, что ты наделала? — мужчина вылакивает меня на улицу, толкает в снег, так, что я еле могу устоять на ногах.

— Что?! — вылупив на него глаза, непонимающе спрашиваю. — Мы с Маратом Вениаминовичем...

— Заткнись! — шипит Амир. — Заткнись и проваливай, пока целая. Сама не представляешь, куда ты влезла, дура!

Он резко дёргается в мою сторону. Я, пошатнувшись, падаю назад и, неудачно встав на покрытую льдом дорожку, не удерживаю равновесие, поскальзываюсь и падаю на землю кулём. Ударяясь о твёрдую поверхность коленками.

Из глаз тут же брызжут слёзы боли, смешанные с обидой.

— Придурок! — кричу, поднимая глаза.

Но оказывается, что на улице я одна. Амир будто испарился.

Боже, какое унижение! Свалиться на ровном месте. Да ещё и на глазах этого засранца. Такой несчастной я себя не чувствовала, пожалуй, никогда. Как я дошла до того, что меня посмели вышвырнуть на улицу, как какую-то грязную, бездомную шавку?
Глотая слезы бессилия и дикой обиды, поднимаюсь на ноги.

Ублюдок! Никогда ему не прощу то, что он сделал. Никогда! — даю себе мысленный зарок.

— Чёрт возьми, — вытираю промёрзшие от влаги ресни-

цы и осматриваюсь.

Моя сумка с телефоном осталась внутри. И как мне её забрать?

Внезапно дверь ресторана открывается, и на пороге появляется фигурка девчушки. Меня мгновенно затапливают стыд и злоба, когда в её руках я вижу свои сумочку и перчатки.

— Вот, тётъ, ты забыла. — Подбегает она ко мне.

Она без курточки, хотя на улице довольно холодно. Со всем мать безумная, видимо, раз выпустила ребёнка на улицу без одежды.

— Спасибо. — Протягиваю подрагивающие пальцы, чтобы забрать свои вещи, но маленькая стерва, вместо того чтобы передать мне из рук в руки, кидает сумку на землю.

И неожиданно, по-взрослому, смотрит на меня, шипит:

— Не трогай нашего папу. Он наш. Слышишь! Сучка.

У обалдевшей и шокированной подобной выходкой меня случается словесный криз. Онемение. А девчонка, показав мне язык, спохватывается и бежит обратно. Дверь с шумом распаивается, прежде чем девчонка успевает до неё добежать, на пороге снова появляется он.

— Сабина! — сердито.

Твою ж налево! Вот он, мой кошмар, который будто соткан из воздуха. Из моих страшных снов. Будто кто-то специально, подслушав мои страхи, воплотил их в жизнь в образе этого козла.

Подхватываю сумку, перчатки, разворачиваюсь, чтобы уйти, как внезапно моё предплечье оказывается стиснуто жёсткими пальцами мужчины.

Внутри меня всё мгновенно воспламеняется. Меня неотвратно тянет зарядить этому наглому уроду в рожу. Но мои инстинкты начеку. Они всё помнят. Нельзя. Табу. Запрет. ОПАСНОСТЬ!

Я дёргаю рукой, пытаюсь сбросить с себя эти ненавистные пальцы.

— Я же сказал, чтобы ты проваливала, — рычит.

— Так отпусти, больной придурок! От твоих лапищ у меня останутся синяки! — дерзко кидаю ему в лицо. Показываю тем самым, что не боюсь его, хотя у самой коленки трясутся от страха.

— Послушай, ты... — его голос звучит чётко, он чеканит каждое слово, — ...почему приехала именно сюда? Отвечай!

Расправляю плечи, смотрю ему прямо в лицо, выдерживая тяжёлый взгляд. В груди же тем временем разгорается нешуточное пламя, подталкивая меня на безумные выходки.

— Зачем ты задаешь мне эти вопросы, а? Задай их своему отцу. Да и вообще, что за дикарство вести себя подобным образом? — Упираюсь указательным пальцем ему в грудь, вдавливаю с силой.

— Дикарство? Ты называешь поведение моей семьи дикарством, при этом сама не брезгуешь прилечь под старика?!

— Ты порешь чушь! — выкрикиваю ему в лицо. — С чего

ты так решил? Это тебе Марат Вениаминович сказал?

В следующее мгновение происходит нечто страшное и совсем неожиданное для меня.

— А ну, щенок, руки убрал от девушки! — рокошет низкий угрожающий бас за спиной Амира.

Мой взгляд перекидывается на говорящего. Но разве мне нужно видеть того, кому принадлежит этот голос? Мне достаточно одного лишь вдоха, чтобы осознать тот факт, что я пропала. Густой, тягучий парфюм тут же забивает легкие. Глаза начинает щипать от навернувшихся слёз.

Встретившись с чёрными омутами глаз мужчины, я чувствую себя так, будто меня засунули всю сразу в адов котел. Заставляя вариться заживо.

— Чего?

Амир поворачивает голову и ему под ребра в тот же момент прилетает хук справа.

— Тварь!!! — рёв Амира разносится над стоянкой. Он тут же отпускает мою руку и, держась за бок, поворачивается к противнику лицом со словами: — Ты кто такой?

— Света, иди сюда! — манит меня олигарх. — Больше тебя этот говнюк пальцем не тронет.

Мне сложно, очень сложно объяснить то, что я сейчас чувствую. Мне кажется, небо рухнуло мне на голову и в моей черепной коробке произошло короткое замыкание.

Я смотрю на Филатова и не могу поверить, не могу осознать, что вот он — стоит передо мной, стоит и смотрит на

меня. И он живой. Настоящий.

Чувствую прерывистое дыхание Амира рядом с собой. Его ругательства, которые он цедит сквозь зубы, но даже короткий взгляд бросить на него не могу, потому как Филатов держит всё моё внимание, не отпускает.

— Света, ну что? Не узнала? — На красивом, ничуть не изменившемся за эти годы лице появляется сдержанная, совсем не приветливая улыбка, от которой моё сердце начинает колотиться в лихорадочном припадке, а в животе скручивается тугим, холодным узлом страх.

Делаю шаг назад. Неосознанно. Инстинктивно.

— Света, — предостерегающе качает головой олигарх, и в его взгляде скользит твердость.

— Эй! — Амир внезапно хватает меня за руку, дёргает на себя, и только это движение мужчины выводит меня из ступора. — Ты знаешь его?

Мне хватает рваного вдоха, короткого взгляда, чтобы увидеть, какое негодование горит во взгляде Амира.

Хмурясь, выдергиваю руку.

— Не трогай меня, — шиплю. — Не трогай.

Успеваю заметить в его глазах отражение своего лица. Меня пронзает до дрожи в конечностях.

Боже! Что творится? В кого я превратилась? Бледное существо с испуганными глазами, размером с огромные блюда, и растрепанными волосами — это я?

— Слушай ты, мудло! Руки от неё убери, иначе жрать

придется с помощью посторонних, — угрожающе скрежещет олигарх, сделав в нашу сторону предупреждающий шаг, и смотрит куда-то поверх моей головы.

Я шумно сглатываю, а Амир напрягается, но руку мою не отпускает, а наоборот — сжимает сильнее и, сделав шаг, встаёт передо мной, загораживая от олигарха.

По позвоночнику скользит рассеянным ударом разряд тока. Все тело начинает дрожать.

Что он творит? Совсем с ума сошел?

— Какого-то странного ты себе, Света, нашла защитника, — в голосе Филатова скользит презрение. — Одноразового.

Звучит щелчок затвора над моей головой, дергаю подборонок вверх и вижу, как в затылок Амира упирается ствол пистолета. Кровь в жилах застывает, превращаясь в колючие кристаллы льда, вспарывающие сосуды. Дыхание сбивается, а в следующий миг и вовсе замирает.

— Нет, — на выдохе вместе с паром вырывается изо рта.

— В сторону отойди, — глубокий голос, словно из преисподней, бьёт в макушку, а на плечо опускается тяжёлая мужская ладонь и, сжимая его, отодвигает меня в сторону.

— Нет! Стойте! Даниил, что, чёрт возьми, у вас тут творится?!

Все оборачиваются в сторону появившегося на пороге Марата Вениаминовича.

— Хотел тебе, друг мой, задать этот же вопрос. Какого дьявола, по твоей земле ходят подобные кретины? — усме-

хается олигарх, делая шаг в направлении моего босса.

Друг! Какого хрена? — впиваются в воспаленный мозг слова Филатова.

Что значит, друг? Как друг? Когда? Почему?

Не спускаю взгляда с мужчин, обменивающихся рукопожатием.

— Да это же мой охламон, — закатывая глаза, удрученно вздыхает босс.

Неверие во всё происходящее наполняет тревогой. У меня мгновенно во рту становится так сухо, что каждый последующий вдох даётся с трудом.

Сухость во рту — предвестник начала паники. Крупный озноб начинает потряхивать верхнюю часть тела. Я тут же обхватываю себя руками, выронив сумку из оцепеневших в судорожных сокращениях пальцев. Сжимаю челюсть.

Боже, только не сейчас. Только не сейчас, — молюсь.

Но приступ набирает обороты и неумолимо подкатывает, разжигая в груди пожарище. Спазмы, пульсирующие за ребрами, причиняют уже физическую боль. Паническая атака овладевает мной всё сильнее. Я в ужасе. Я не хочу верить в то, что всё возвращается. Страх, с которым я боролась на протяжении нескольких лет, снова меня настигает. Сердце колотится так, будто я пробежала марафон. В глазах темнеет. А удары сердца настолько ощутимы, что кажется, будто сейчас пробьют грудную клетку.

Успокойся, успокойся. Дыши.

Но всё бесполезно. В какой-то момент из-под ног уходит земля, и я начинаю оседать на истоптанный нашими ногами снег, но в последний момент меня кто-то ловит. Только вот заволокшая глаза пелена не позволяет увидеть, кто это, а спустя несколько секунд я понимаю, что лишилась и слуха. Отчаяние затапливает сознание, погружая меня в мой персональный ад, возвращая меня в прошлое. Туда, где Димка был жив, туда, где он умер у меня на руках, туда, где у меня не получилось выжить.

Судорожный вдох рвёт легкие. Резко сажусь. Распахиваю глаза и каменею в неестественной неудобной позе. Передо мной сидит олигарх. Значит, всё это правда. Не сон!?

Мою кожу покрывает липкая испарина, а по телу разливается неприятная слабость.

Я не могу оторвать взгляда от лица Филатова, который, не сводя с меня глаз, с жадностью пожирает меня, пугает. Напряжение растёт. Слов нет. Между нами искрят только эмоции, только чувства. Я не могу даже моргнуть, боясь пропустить тот момент, когда он сорвётся, набросится на меня.

В глазах этого чудовища плещется что-то страшное, нечеловеческое.

— Света! Светочка! — будто разряд молнии, сотрясает наэлектризованный вокруг нас воздух голос Марата Вениаминовича, а через мгновение и сам мужчина предстаёт передо мной.

Лицо олигарха перекашивает гневом, оттого что нас пре-

рвали.

Босс взволнованно оглядывает меня, и я невольно опускаю взгляд, сама осматривая себя.

— Света, что же ты так пугаешь? Разве так можно? Я чуть не поседел от страха. Хорошо, что Алсу, черт бы её побрал, поняла, в чём дело!

— Алсу? — сиплый шепот срывается с губ, царапая сухое небо.

— Да, жена моя. Бывшая. Мегера та ещё, — говорит немного тише, видимо, чтобы его никто не мог подслушать.

— Бывшая? — переспрашиваю, воскрешая в памяти все события, которые предшествовали моему обмороку.

Твою ж дивизию! Меня будто осеняет!
 Резко вскакиваю на ноги, чуть не сбивая с ног босса. Мужчина впадает в шок.

— Откуда вы его знаете?!

Вместо всех вопросов и претензий, которые сейчас крутятся в моей голове, я задаю тот, который больше всего меня волнует. Обо всём остальном я босса тоже спрошу, но чуть позже.

— Ой, Светочка, — неожиданно странно ведёт себя Марат, как будто ему становится неудобно перед олигархом за мою выходку. — Зачем так агрессивно? Даниил Сергеевич мой бизнес-партнёр.

— Что? Партнёр?

В недоумении застываю взглядом на ироничной ухмылке,

которая искривляет губы олигарха. *Подонки. Подлец.*

— И как давно? — еле получается выдать из себя вопрос.

— Ну...

— Семь лет... — отвечает за босса Филатов.

Вот чёрт! Чёрт! Чёрт!

Хорошо. Хорошо.
Это же ничего? Правда ничего, что я все семь лет тешила себя мыслями, что мне удалось обхитрить олигарха?! Наивная! Как же можно было быть такой наивной! Но тогда, тогда почему он не пришёл за мной? Почему не пришёл за нами?

Гляжу на олигарха исподлобья, через дрожащие от волнения ресницы: он знает о Милане?! И по тому, какое самодовольство застыло маской на его лице, поняла: точно знает. Да и как он мог не знать?! Раз следил всё это время за мной.

— Светик! Ты чего заморозилась? — Внезапное прикосновение босса к локтю прошибает меня, как разряд тока. Резко дёргаюсь, и это не оставляет олигарха безразличным.

Филатов делает порывистый шаг в мою сторону.

— Нет! — чуть ли не вскрикиваю, отпрыгнув в сторону.
— Нет!

Выставляю руку с открытой ладонью перед собой.

— Светлана, — рокошет Филатов, в нетерпении поджимая губы.

— Не подходи, — чересчур рьяно мотаю головой.

— Да что, чёрт побери, происходит? Даниил Сергеевич,

объясни! — Внезапной преградой между мной и олигархом становится Марат Вениаминович.

— Марат, друг. Давай сделаем так: ты сейчас пойдёшь проведать своего сына. Всё ли там у мальчика в порядке, а нам со Светланой дашь возможность переговорить. У нас, как видишь, есть нерешённые вопросы с твоей подопечной.

Филатов говорит настойчиво, с напором, словно не просит, а приказывает. Я вижу по лицу Марата Вениаминовича, что он, конечно же, сдастся. Хотя я для него и ценный сотрудник и он всем сердцем любит меня, противостоять такому, как Филатов, невозможно. Он просто этого не позволит.

— Светик, ну я пойду? — косится босс и делает шаг в сторону двери. — Эм, Даниил Сергеевич, ну вы тут Светика не обижайте, — натянуто улыбается Филатову и тут же, отворачиваясь, шепчет мне: — Я, если что, за дверью, в обиду тебя не дам.

И стремительно выходит, оставляя меня с чудовищем наедине.

— Ну вот и слились все твои защитнички, сладкая. — Довольный тем, что вышло по его, Филатов моментально сокращает между нами расстояние, и я не успеваю глазом моргнуть, как оказываюсь в его медвежьих объятиях.

Сердце, и так нестабильно колотившееся в груди, дёргается и вовсе, как сумасшедшее. В виски ударяет дикой пульсацией, и я, сделав судорожный вдох, наконец немного прихожу в себя и бьюсь в руках олигарха, пытаюсь вырваться.

— Даже не надейся, сладкая. Я ждал этого момента целых семь лет. Семь долбанных лет. — Он, склонив голову, ловит мой рот...

— Не смей... не смей... — шиплю.

... ударяясь в мои губы жадным, сжигающим нутро поцелуем.

Я ещё активнее трепыхаюсь в руках Филатова, но уже через мгновение, когда он углубляет поцелуй, захватывая моё сознание в плен, ярая борьба, которая так и не приносит никаких результатов, сходит на нет. Тело становится ватным и безвольным. Толкнувшись последний раз, я затихаю.

Меня будто прибывает к олигарху длинными, ржавыми гвоздями воспоминаний. Нутро выворачивает наизнанку, когда здравомыслие, помахав на прощание моему рассудку белым платочком, покидает мою голову. Уступая место поднимающейся в груди панике.

Воздух в легких катастрофически быстро заканчивается, а олигарх продолжает пить меня, по-хозяйски орудуя языком у меня во рту. Ласкает, посасывает податливую плоть, вырывая из груди стоны.

Я вцепляюсь в его талию ногтями, с силой вдавливая их в кожу. Щипая и выкручивая.

Я чувствую, что мне не хватает воздуха. Сердце бешено колотится в груди. Я задыхаюсь. Мне нечем дышать.

Закатываю глаза, чуть ли не лишаясь сознания.

— Всё такая же нежная и желанная, — опалает дыханием

мои истерзанные губы олигарх.

В последнее мгновение позволив моим лёгким наполниться.

— И моя. Ты поняла? Моя, — от его рыка меня сотрясает крупная дрожь, и кожа покрывается холодной испариной.

Распахиваю глаза, взгляд проясняется, и я могу видеть весь тот ад, который плещется на дне чёрных глаз олигарха.

— Боишься? — искривляет губы в ухмылке олигарх.

И только сильнее прижимает меня к своему телу. Не оставляя мне и малой толики надежды на то, что позволит вырваться. Но я не сдаюсь. Отрицательно качаю головой, и тихое, но твердое:

— Нет, — слетает с полыхающих после поцелуя губ.

— А следовало бы, сладкая. Думаешь, я столько лет хранил тебя для себя, чтобы позволить, какому-то чучелу забрать?

У меня от его слов волосы шевелятся на затылке. О чём он говорит? Что значит, *хранил для себя*?

— Я ничего не понимаю, — хлопая ресницами, сдавленно отвечаю. — Зачем ты здесь? Что тебе от меня нужно? Разве тебе недостаточно того, что уже имеешь? Разве тебе мало семьи, которая у тебя уже есть? Зачем я тебе?

— Ты, моя сладкая. — Его губы вновь касаются моих милостным, лёгким поцелуем, от которого в горле мгновенно всё пересыхает в нехорошем предчувствии того, что последует дальше. — Не только ты мне нужна, но и моя дочь. Я

приехал, чтобы забрать то, что принадлежит мне.

Кажется, после его слов моё сердце перестаёт биться и просто камнем падает в пятки, оставляя мерзкое ощущение пустоты в груди.

— Что? — рвано, хрипло срывается с губ.

— Я заберу у тебя свою дочь, которую ты родила семь лет назад, — на дне глаз олигарха сверкают в диком смерче молнии.

И до моего воспаленного мозга медленно доходит то, что Филатов сейчас не запугивает, а говорит на полном серьёзе.

— Но ты же заставлял меня сделать аборт! Она не нужна была тебе! Зачем сейчас пришел!? Зачем?

Я почти кричу. Мой крик похож на вой раненого животного.

Осознание всей серьёзности ситуации накатывает всё сильнее и сильнее.

— Зачем?

— Потому что я не позволю, слышишь, — он перехватывает одной рукой мою челюсть, сжимает так сильно, что у меня из глаз льются слёзы, — такому кретину осесть в жизни моей дочери. Поняла теперь, почему?

Глава 6

— Да разверзнутся небеса над моей головой! Да что же я натворила! Дура непутёвая!

Смотрю на мать, которая ходит из угла в угол, меряя короткими шагами кабинет дяди Ашида, устало качая головой.

— Мам, ну прекрати уже, — фыркаю. Отворачиваюсь. Смотрю в окно.

Подумаешь, из-за чего такой сыр-бор развела. Подыграла малость, и что с того? Ну зато всё встало на свои места, и я теперь уверен в том, что эта зараза не мутит с моим отцом.

— Это всё ты! Да за что Аллах мне послал такого сына?! Что теперь подумает обо мне мой Марат? Что за наказание мне будет уготовано от твоего отца, только Аллаху известно!

Закатываю глаза под лоб.

— Мам, ну о чём ты? Вы с ним уже несколько лет не живете вместе. О каком наказании идёт речь? Да и вообще ситуация странная, кто мог подумать, что он девку постороннюю притащит сюда?

Мать замирает. Крутнувшись на пятках, вперила в меня пронзительные чёрные глаза.

— Ты уверен, что у них с этой девушкой несерьёзно? Мура так смотрел на неё! Я же видела, как его глаза горели. Ох!

— Она вдруг хватается за сердце, падает в кресло.

Сестры тут же кидаются к матери, падая ей в ноги, обнимая колени. Я же, наблюдая картину того, как мать театрально вздыхает, остаюсь сидеть на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.